

ВЕЧНАЯ ИМПЕРИЯ

МЕХАНИЧЕСКОЕ СЕРДЦЕ

18+

Волк Князь

**Вечная Империя
Механическое сердце**

«Автор»

2026

Князь В.

Вечная Империя Механическое сердце / В. Князь — «Автор»,
2026

Снег падает на купола. Патрульный дирижабль рассекает туман над Столицей. Чёрный императорский поезд мчится сквозь заснеженную равнину, а в мастерской старого ювелира рождается тайна, скрытая внутри яйца Фаберже. Одиннадцать голосов. Одиннадцать судеб. Капитан дирижабля, машинист императорского поезда, ювелир, создающий тайный механизм внутри яйца Фаберже, кормилица наследника престола и сам наследник — молчаливый младенец, в чьих глазах уже теплится нечто нечеловеческое. Здесь молятся стальными руками. Здесь андроиды стоят в иконостасах, а вера не противостоит прогрессу — она становится его сердцем. Одиннадцать историй сплетаются в одну — историю Империи, которая стоит на пороге великих перемен.

© Князь В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог. Вечный Рим	5
Глава 1. Над миром	6
Глава 2. Чёрный состав	11
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Волк Князь

Вечная Империя Механическое сердце

Пролог. Вечный Рим

Свеча у иконы горела ровно, без единой вспышки — в покоях не было сквозняков. Воздух стоял густой, пропитанный ладаном и чем-то ещё, едва уловимым: смесью разогретого металла и масла для сочленений.

Императрица сидела в резном кресле, выпрямив спину. Тёмное платье с высокой горловиной закрывало шею до самого подбородка, золотая нить вышивки тускло мерцала в боковом свете. Её венец — массивный ободок из воронёной стали, одновременно напоминавший кокошник и боевой шлем — был чуть смещён назад, открывая высокий лоб.

Она не двигалась. Механические руки покоились на подлокотниках. Суставы пальцев — миниатюрные шестерни и поршни, покрытые гравировкой, — были неподвижны. Можно было принять её за изваяние, если бы не глаза: тёмные, живые, они смотрели на икону, но видели что-то за её пределами.

Рядом, чуть позади, стоял император. Чёрная броня облегла торс, на грудной панели мягко пульсировал индикатор — синий, размеренный, как сердцебиение спящего. Он не касался оружия, но ладони в усиленных перчатках были сжаты. На поясе тихо гудели модули связи и жизнеобеспечения.

Тишина между ними была не пустой. Она была наполнена тем, что не требовало слов.

Скрипнула половица — император чуть сместил вес. Императрица не обернулась, но её пальцы ожили: один, указательный, мягко отбил по дереву короткую дробь.

— Ты снова не спишь, — сказал он. Не спросил.

Она медленно повернула голову. Венец качнулся, поймав отблеск свечи, и по стене пробежал холодный зайчик.

— Я молюсь.

Он посмотрел на икону, потом на её руки. На гравированных суставах темнели буквы — кириллица, слова молитвы, вытравленные прямо в металле.

— За нас?

Она чуть склонила голову, и в этом движении не было ни покорности, ни вызова. Только усталость. И что-то ещё, глубоко запрятанное.

— За тех, кто уже не может.

Глава 1. Над миром

Диспетчерская башня Восточного округа встретила капитана Мирона Ветрова привычным запахом: смесью разогретого воска от оплывающих свечей, машинного масла и угольной пыли, которую не мог вытянуть ни один фильтр. Он поднялся по винтовой лестнице, не касаясь перил — механическая кисть правой руки оставляла на меди тёмные полосы окисла, и уборщики жаловались. За тридцать лет службы Ветров так и не привык к протезу, хотя тот был изготовлен лучшими мастерами Империи: пальцы гнулись плавно, суставы не скрипели, а на запястье темнела гравировка — охранная молитва святителю Николаю, покровителю всех, кто ходит небесными путями.

Он получил этот протез после аварии на старом дирижабле, когда лопнул газовый клапан и струя обожжённого пара превратила живую плоть в уголь. Тогда ему было тридцать два, и он думал, что служба кончена. Но Империя не списывала опытных пилотов — Империя заменяла сломанное железом и возвращала в строй. Так было всегда. Так будет всегда, как любил повторять старый император, упокой Господь его душу.

Сейчас Ветрову было шестьдесят, и он командовал «Святым Георгием» — тяжёлым патрульным дирижаблем класса «Страстотерпец», который нёс службу над столицей и восточными пригородами. Машина была старая, но надёжная: тёмно-синий корпус с металлическим отливом, золотые рёбра жёсткости, фонари вдоль гондолы, горевшие даже днём. На боку — выбитый позолотой двуглавый орёл, под которым значилось: «Не в силе Бог, а в правде». Эту надпись Ветров помнил с детства, когда ещё мальчишкой впервые увидел дирижабль над куполами родного города и понял, что хочет только одного — летать.

— Ваше благородие, — штурман Кольцов поднялся навстречу, вытянувшись по уставу. Он был молод, едва за тридцать, с нашивками лейтенанта и счастливым неумением думать о плохом. — Метеосводка получена. Ветер юго-западный, шесть узлов. Видимость средняя, туман к вечеру рассеется. Маршрут утверждён?

Ветров кивнул, проходя в рубку. Здесь всё было выверено годами: штурвал с потёртой оплёткой, навигационные карты под стеклом, барометр в медном корпусе, икона святителя Николая в красном углу. Перед ней всегда горела лампада — масляный фитилёк, который он менял сам, не доверяя юнгам.

Рубка «Святого Георгия» была его домом. Семь шагов в длину, четыре в ширину — капитан знал здесь каждую заклёпку. Медные трубы переговорных устройств тянулись вдоль стен, заканчиваясь раструбами с клапанами. Чтобы отдать приказ в машинное отделение, нужно было дунуть в трубку и нажать рычаг — и твой голос бежал по меди на четыре палубы вниз, в самое чрево корабля. Ветров любил эту архаику. В эпоху, когда киборги-монахи пишут иконы механическими руками, а андройды стоят в иконостасах, простая медная труба казалась ему честной вещью. Она или работает, или нет. И никакой теологии.

Через передние иллюминаторы открывался вид на город — тот самый, что всегда захватывал дух, сколько бы лет ты ни провёл в небе. Столица лежала внизу огромным тёмным ковром, расшитым золотыми нитями куполов и серебряными змейками рек. С высоты трёхсот метров она казалась застывшей, но Ветров знал: там, внизу, всё движется, дышит, молится и грызётся за власть. Храм Василия Блаженного, похожий на каменный цветок, купола Кремля, прямые проспекты с вереницами экипажей и редкими автомобилями — всё это было Империей, которую он защищал.

— Запуск, — скомандовал Ветров.

Где-то в утробе корабля загудели двигатели. Палуба под ногами мелко задрожала — это оживали подъёмные винты. Их лопасти, каждая длиной в человеческий рост, начинали вращаться, разгоняя воздух. Через минуту гул стал ровным, успокаивающим, как дыхание спя-

щего зверя. «Святой Георгий» слегка качнулся на швартовых, и Ветров привычно переступил с носка на пятку, ловя равновесие.

— Швартовые отдать!

Носовая команда отцепила канаты. Дирижабль плавно, почти незаметно, пошёл вверх. Земля начала отдаляться, и вместе с ней отдалялись все тревоги, все разговоры, всё то мелкое и суетное, что наполняло жизнь на твёрдой поверхности. Здесь, наверху, оставалось только небо и долг.

Маршрут патрулирования был стандартным: облёт по кольцу от восточных окраин до южных ворот столицы, затем вдоль реки к западным заставам и обратно на базу. Три часа полёта, шестнадцать контрольных точек, обязательные отметки в журнале. Скудная, спокойная работа, за которую Ветров был благодарен Богу. Он налетался в молодости — и над горами Кавказа, где ветры швыряли дирижабль как щепку, и над сибирскими болотами, где отказаться от маршрута значило замёрзнуть через час. Теперь ему полагался покой. Но покой был понятием относительным — Империя жила в предчувствии перемен, и Ветров это чувствовал кожей. Той, что ещё осталась живой.

— Ваше благородие, — голос Кольцова прозвучал как-то иначе, напряжённо. — Донесение с земли.

Ветров повернулся. Штурман стоял у аппарата беспроводной связи — новомодного устройства, которое капитан недолюбливал. Оно трещало, шипело и, по слухам, могло перехватывать чужие переговоры. Кольцов держал в руке ленту с отпечатанным текстом.

— Что там?

— Приказ из Адмиралтейства. Изменить курс. Квадрат семь-четыре-два.

Ветров нахмурился. Квадрат семь-четыре-два был севернее их маршрута, почти у границы города. Там начинались заводские районы, дымы которых поднимались до самых облаков, и навигация была сложной.

— Причина?

— Не указано. Только приказ: «Перехватить неизвестный летательный объект. Действовать по обстановке».

Капитан почувствовал, как что-то холодное шевельнулось внутри. Неизвестный объект — это не учебная тревога. За тридцать лет он слышал такой приказ лишь дважды, и оба раза это означало опасность. В небе Империи не должно быть неизвестных объектов. Небо принадлежало Империи, как и земля, и вода, и сам воздух, которым дышали подданные.

— Курс на семь-четыре-два, — скомандовал он, подходя к штурвалу. — Полный ход.

Кольцов повторил приказ в переговорную трубу. Двигатели взвыли громче, набирая обороты. Дирижабль, словно почувствовав тревогу капитана, рванулся вперёд, разрезая носом влажный воздух. За бортом замелькали крыши, купола, фабричные трубы. Город под ними менялся: парадный центр уступал место окраинам, где золото икон сменялось ржавым железом мостов.

Ветров перекрестился на икону, коснувшись механической рукой лба, груди, плеч. Пальцы из воронёной стали мягко звякнули о медальон с изображением Спаса, висевший на груди. Он не знал, слышит ли Бог молитвы, прошедшие через металл, но других у него не было.

— Ваше благородие, — Кольцов прильнул к окуляру наблюдательного прибора. — Вижу объект.

Ветров шагнул к иллюминатору. Сначала он не видел ничего, кроме серой дымки и тёмных силуэтов заводских труб. Но через мгновение что-то мелькнуло — точка, движущаяся слишком быстро для птицы и слишком хаотично для дирижабля.

— Что это, лейтенант?

Штурман молчал, вращая настройку прибора. Потом оторвался от окуляра и посмотрел на капитана. В его глазах Ветров увидел то, чего не ожидал: не страх, а растерянность.

— Там крест, ваше благородие, — сказал Кольцов. — Он летит.

Небо над восточными окраинами Столицы всегда было серым, как старая шинель, — заводские дымы смешивались с туманом, и солнце если и пробивалось, то лишь к полудню, да и то желтоватым, болезненным пятном. Но в этот час, в шестом часу пополудни, сумерки уже начинали сгущаться, и видимость падала с каждой минутой.

Капитан Мирон Ветров стоял у штурвала и смотрел вперёд. Глаза у него были старые, но острые — за тридцать лет небесной службы он научился различать предметы в дымке лучше, чем молодые офицеры с их оптическими приборами. И то, что он видел сейчас, не укладывалось ни в какие наставления.

Это действительно был крест. Огромный, метра три в высоту, он плыл по воздуху совершенно беззвучно. Дерево — а это было именно дерево, старое, потемневшее от времени — было оковано позолоченными полосами с чеканными буквами: «Спаси, Господи, люди Твоя». В перекрестье креста горел маленький огонёк — лампада, заправленная маслом, и пламя её не колыхалось, хотя объект двигался со скоростью, которую Ветров оценил примерно в пятнадцать узлов.

— Ближе, — скомандовал он, не оборачиваясь. — Малый ход.

«Святой Георгий» сбавил обороты и начал осторожно приближаться. Теперь Ветров мог рассмотреть детали. Крест был закреплён на небольшой платформе, сваренной из металлических балок, а под платформой — он прищурился — висела гондола, похожая на монашеский скит в миниатюре: деревянный ящик с крошечным окошком, из которого и лился свет. От гондолы отходили тонкие тросы, уходящие куда-то вниз, в туман. И там, внизу, смутно угадывалось что-то большое, неподвижное — может быть, якорь или платформа, с которой крест поднялся в воздух.

— Связь с Адмиралтейством, — приказал Ветров. — Доложить: объект идентифицирован. Воздушный крест. Запрашиваю инструкции.

Пока Кольцов вызывал базу, капитан продолжал разглядывать странный аппарат. В голове роились обрывки сведений. Он что-то слышал о подобном — кажется, в западных провинциях монахи-отшельники действительно строили «воздушные скиты», чтобы молиться над городами, которые считали особенно грешными. Но в столице? Это было неслыханно. Воздушное пространство над Первопрестольной охранялось строже, чем казначейство. Чтобы получить разрешение на подъём, требовалось пройти семь инстанций, и Ветров точно знал: никто из этих инстанций не дал бы добро на летающий крест.

— Ваше благородие, — Кольцов обернулся от аппарата. — Адмиралтейство приказывает: сблизиться, установить личность пилота, в случае неподчинения — принудительная посадка.

— Чем принудительная? — хмыкнул Ветров. — Гарпуном?

«Святой Георгий» не был вооружён. Патрульные дирижабли Империи не несли оружия — считалось, что сам вид имперского орла на борту способен остановить любого нарушителя. Но Ветров знал, что этот расчёт хорош против контрабандистов, а не против монахов с лампадами.

Он взял рупор переговорного устройства.

— Внимание, неизвестный объект. Говорит капитан Ветров, патрульный дирижабль «Святой Георгий». Назовите себя.

Тишина. Крест продолжал плыть, не меняя курса. Ветров повторил запрос, добавив мощности в рупор, так что его голос разнёсся над крышами гулким эхом.

Из окошка гондолы показалась рука. Живая или механическая — с такого расстояния было не разобрать. Рука поднялась в благословляющем жесте, медленно, торжественно — и скрылась обратно. И всё.

— Не отвечают, — Кольцов нервно сглотнул. — Может, у них нет связи?

— У них нет связи, но есть лампада, которая горит на ветру, — пробормотал Ветров.
— Ладно.

Он положил механическую ладонь на штурвал и начал сближение вручную. Это был рискованный манёвр: подойти вплотную к объекту неизвестной аэродинамики, не зная его устойчивости. Но выбора, похоже, не было.

Когда между дирижаблем и крестом осталось не больше двадцати метров, Ветров наконец разглядел то, что искал. На платформе, прямо под крестом, стоял человек. Нет, не стоял — он сидел на грубо сколоченном табурете, укутанный в чёрную рясу с капюшоном, надвинутым на лицо. Ветер трепал края рясы, но человек не шевелился. Перед ним, на маленьком аналое, лежала раскрытая книга, и он, кажется, читал, время от времени переворачивая страницу. Механические пальцы — теперь Ветров видел это отчётливо — поблёскивали в свете лампады.

— Монах, — выдохнул Кольцов. — Киборг.

— Вижу, — коротко ответил Ветров.

Он знал, что в Империи есть такие. Монахи, принявшие постриг вместе с механическими частями тела — или наоборот, принявшие механические части как особую форму аскезы. Они говорили: «Плоть — тлен, сталь — смирение». Церковь то одобряла их, то осуждала, в зависимости от того, какая фракция брала верх в Синоде. Но чтобы такой монах поднялся в небо над столицей — это было слишком даже для вечных споров иерархов.

Ветров снова поднёс рупор к губам.

— Отец, вы нарушаете воздушное пространство. Вам необходимо приземлиться. Назовите вашу обитель и разрешение на полёт.

Человек в рясе медленно поднял голову. Капюшон упал на плечи, открыв лицо — молодое, бледное, с свалившимися щеками и горящими глазами. Шея была механической: металлические позвонки, покрытые тонкой кожей, переходили в плечевой пояс, где угадывались сервоприводы. Он улыбнулся — едва заметно, уголками губ — и ничего не ответил.

— Он что, глухой? — спросил Кольцов.

— Он всё слышит, — сказал Ветров. — Просто ему нечего нам сказать.

— Тогда будем сажать?

Ветров помедлил. В наставлениях было чётко прописано: любой неопознанный объект подлежит задержанию. Но наставления писали в Адмиралтействе, люди, которые никогда не видели монаха с лампадой, плывущего над заводскими трубами. Одно дело — перехватить шпионский аэроплан, и совсем другое — принудить к посадке человека, который, возможно, просто молится.

— Сближаемся ещё, — решил он. — Попробую поговорить напрямую.

Он передал штурвал Кольцову и вышел на открытую палубу гондолы. Ветер ударил в лицо, холодный и влажный, пахнувший углём и близким снегом. С высоты трёхсот метров город казался игрушечным, но Ветров знал: там, внизу, люди смотрят в небо и видят две тени — огромный дирижабль и маленький крест, застывшие друг против друга.

Он подошёл к борту и закричал, перекрывая шум винтов:

— Отец! Во имя Христа, ответь! Кто ты и зачем здесь?!

Монах поднял руку — ту самую, механическую — и перекрестил воздух. Губы его задвигались, но слов Ветров не услышал. А затем крест начал медленно снижаться. Без шума, без рывка — просто пошёл вниз, уходя в туман, словно и не было его.

Через минуту он исчез из виду. Только лампада ещё горела где-то в серой мгле, а потом погасла и она.

Ветров постоял у борта, вцепившись механической рукой в поручень. Холодный металл под пальцами. Где-то там, внизу, монах-киборг приземлится на своей платформе, сложит аналой и уйдёт в подземные переходы, которых в столице было не меньше, чем куполов. И никто не узнает, зачем он поднимался и о чём молился.

— Ваше благородие? — Кольцов выглянул из рубки. — Что докладывать в Адмиралтейство?

— Докладывай: объект ушёл в туман, преследование невозможно, — Ветров вернулся к штурвалу. — И добавь: предположительно, религиозная процессия. Без признаков угрозы.

— Вы уверены? Нас могут спросить...

— Я двадцать лет командую этим кораблём, лейтенант. Если спросят — я отвечу.

Кольцов кивнул и скрылся в рубке. А Ветров ещё долго стоял у штурвала, глядя в серую мглу, и думал о монахе. О том, что за вера нужна человеку, чтобы принять механические части тела не как проклятие, а как дар. Чтобы подняться в небо, не имея ни крыльев, ни двигателей — только крест и лампада.

И ещё он думал о том, что Империя, в которой он служил, была огромна и непознаваема, как само небо. И что это, наверное, и есть главное чудо — не механические руки, не летающие кресты, а то, что всё это держится вместе, не рассыпаясь, год за годом, век за веком.

«Святой Георгий» лёг на прежний курс. Внизу, под брюхом дирижабля, проплывали купола и трубы, и снег начинал падать — первый снег в этом году, медленный и торжественный, словно крестный ход, спустившийся с небес на землю.

Ветров перекрестился и взялся за штурвал. До конца патруля оставалось два часа.

В рубке было тепло и тихо. Мерно гудели двигатели, подрагивала палуба, и в этом ритме, в этом знакомом до последней заклёпки уюте капитан Ветров вдруг почувствовал странную, необъяснимую печаль. Он подумал о том, что завтра или через год, или через десять лет кто-то другой будет стоять у этого штурвала, и так же будет гореть лампада перед иконой, и так же будут проплывать внизу купола. И никто не вспомнит капитана Мирона Ветрова, его механическую руку, его страх и его веру.

И это было правильно. Потому что Империя — не люди. Империя — то, что остаётся, когда люди уходят.

Он поправил фитиль лампы и повёл корабль домой.

Глава 2. Чёрный состав

Машинист Игнат Платов проснулся за час до смены, как всегда — без будильника, по внутреннему чувству, которое он называл «колёсным звоном». Тело само помнило расписание, вбитое в кости за сорок лет службы. Он полежал немного, глядя в потолок, пошевелил пальцами ног — живыми, слава Богу, — потом сел и привычным движением коснулся груди.

Под пальцами был не живой теплый бок, а прохладный металл.

Механическое сердце.

Его поставили двенадцать лет назад, после того самого рейса, который вошёл в учебники под названием «Платовский прорыв». Тогда, в лютый февраль, на перегоне между Вяткой и Пермью состав императорского кортежа попал в засаду. Сначала взрыв на путях, потом выстрелы, потом тишина, в которой было слышно только шипение пара из пробитой магистрали. Игнат, тогда ещё старший машинист без всякой механики в теле, вывел состав из-под огня. Сам раненый, с осколком в груди, он довёл паровоз до ближайшей станции. Император, ехавший тем поездом, остался жив. Игнат — почти нет.

В госпитале ему сказали: «Сердце не восстановить. Можем предложить протез. Механический. Пожизненный. С гравировкой от Императорского двора».

Он согласился не сразу. Не потому что боялся стать киборгом — в его деле механика была делом привычным, половина паровозных бригад ходила с протезами, — а потому что сомневался: будет ли механическое сердце так же чувствовать дорогу? Будет ли оно так же замирать перед опасным поворотом? Будет ли так же биться быстрее, когда состав набирает ход?

Оказалось — будет. И даже лучше. Новое сердце не уставало, не болело к непогоде и отбивало ровный, спокойный ритм, который Игнат иногда слушал перед сном, как колыбельную. На титановой крышке, закрывавшей грудную клетку, была выгравирована икона святого Николая — того же покровителя путешественников, которому молился всякий уважающий себя железнодорожник — и надпись: «За спасение Помазанника Божия. От благодарного Отечества».

Сегодня этому сердцу предстояла работа.

Платов встал, умылся, надел форму. Чёрный китель с серебряными пуговицами, на петлицах — золотые крылышки, знак высшей машинистской квалификации. Фуражка с имперским орлом. Сапоги, начищенные до зеркального блеска. Он никогда не выходил на смену неготовым — даже теперь, когда был уже не просто машинистом, а живой легендой, человеком, чьё имя знал каждый юнкер железнодорожного училища.

Жена ещё спала. Игнат тихо притворил дверь, спустился по лестнице, вышел на улицу. Рассвет только занимался над Столицей, и купола соборов ещё не зажглись золотом — они были тёмными, почти чёрными на фоне светлеющего неба. Снег, выпавший ночью, лежал ровным слоем, и дворники уже скребли тротуары, сгоняя его к водосточным канавам.

Депо встретило его привычным запахом: угольная пыль, машинное масло, пар, горячий металл. Этот запах был для Игната лучшим в мире — лучше ладана, лучше свежего хлеба. Он вошёл под своды главного ангара и остановился, как всегда, на мгновение, чтобы посмотреть.

Она стояла на первом пути. Чёрная, огромная, сверкающая позолотой.

«Императорская стрела» — личный поезд правящего дома, тот самый состав, который Игнат спас двенадцать лет назад и который с тех пор никому не доверяли, кроме него. Паровоз был построен на Ижорском заводе по особому проекту: шесть движущих осей, котёл высокого давления, обшивка из воронёной стали с золотыми накладками. На носовой части — двуглавый орёл с распростёртыми крыльями, под ним — вензель императора. На тендере, загруженном углём, тускло поблёскивали вспомогательные механизмы: насосы, маслёнки, манометры в медных корпусах.

Но главное было не снаружи. Главное было внутри — в императорском вагоне, который сейчас прицепят в хвосте состава. Там, за бронированными стенами и пуленепробиваемыми стёклами, поедет пассажир. Или пассажирка. Игнат не знал точно — ему сообщили только пункт назначения и время отправления. Всё остальное было тайной.

— Игнат Петрович! — к нему спешил помощник, молодой парень по фамилии Горелов, круглолицый, румяный, с ещё не успевшей отрасли бородкой. — Состав готов. Котёл под парами. Маршрут проложен до Ново-Николаевска, промежуточных остановок нет.

— До Ново-Николаевска? — Платов нахмурился. — Это же трое суток пути.

— Так точно. Приказано идти без остановок. На перегонах — зелёный коридор.

Зелёный коридор означал, что все семафоры по маршруту будут открыты, все встречные составы — отведены на запасные пути. Такой привилегией пользовался только сам император. Или императрица. Или наследник.

Игнат ещё раз оглядел состав. Теперь он заметил то, что упустил сразу: у вагонов стояли люди. Не просто охрана — гвардейцы в чёрной броне, с тактическими шлемами и импульсными винтовками. Такие же, как те, что маршировали по Красной площади. Двое у входа в императорский вагон, ещё двое на платформе, и, кажется, несколько внутри. И среди них — женщина.

Она стояла у открытой двери вагона, одетая в тёмное платье с высокой горловиной и массивный металлический «венечный» ободок на голове. Лица Игнат не разглядел — расстояние было слишком большим, — но позу узнал сразу. Так стояли только те, кто привык повелевать. Спокойно, прямо, не оглядываясь на охрану, потому что охрана — это продолжение их воли.

Женщина повернулась и вошла в вагон. Дверь закрылась. Гвардейцы заняли свои места.

— Отправление через десять минут, — сказал Горелов. — Вы в кабину?

— Да, — Игнат в последний раз посмотрел на закрытую дверь императорского вагона и пошёл к паровозу.

В кабине было жарко. Котёл гудел, манометр показывал рабочее давление, маслѐнки мерно пощёлкивали, подавая смазку на трущиеся части. Платов надел рукавицы, проверил рычаги, перекрестился на маленькую икону, прикреплѐнную над приборной доской. Горелов занял место у топки.

— С Богом, — сказал Игнат и потянул рычаг реверса.

Паровоз выпустил облако пара, колѐса провернулись, лязгнули сцепки, передавая импульс по всему составу. Чѐрная громада медленно, величественно поплыла вдоль платформы. Провожающие — железнодорожные чины, офицеры охраны — отдали честь. Платов дал гудок — низкий, мощный, раскатившийся над депо и над всем районом.

Путь начался.

Первые два часа прошли спокойно. Состав вышел из Столицы, миновал пригороды, проскочил дачные посѐлки и углубился в леса. За окном проплывали заснеженные ели, белые поля, редкие деревеньки с куполами церквей. Игнат вѐл паровоз ровно, на крейсерской скорости в шестьдесят вѐрст в час. Механическое сердце отбивало ритм в такт перестуку колѐс, и в этом совпадении было что-то успокаивающее, почти гипнотическое.

Горелов подбрасывал уголь. Платов следил за приборами. Всё было штатно.

Но где-то на исходе второго часа, когда начало смеркаться, Игнат заметил странное. Сначала — едва уловимый запах. Не угольный, не масляный — другой, резкий, химический. Потом — вибрация. Она шла не от колѐс и не от котла, а откуда-то снизу, из-под паровоза, и была похожа на гул, который Игнат слышал однажды в юности, когда присутствовал при испытаниях нового взрывчатого вещества в военном ведомстве.

Он переглянулся с Гореловым. Тот ничего не заметил — молодой, слух ещё не натренирован.

— Прислушайся, — сказал Платов.

Горелов замер с лопатой в руках. Через несколько секунд его лицо изменилось.

— Гудит, — сказал он. — Под полом.

— Да.

Игнат передал управление помощнику и вышел из кабины на узкий мостик, соединявший паровоз с тендером. Здесь вибрация чувствовалась ещё сильнее. Он присел, коснулся металлического настила рукой, потом лёг и прижался ухом к холодной стали.

Гул шѐл из-под тендера. Не из колѐс, не из рамы — из пространства между путями и дном. Игнат перегнулся через поручень, насколько позволяла конструкция, и посмотрел вниз.

На рельсах что-то было. Маленькие тёмные предметы, прилепленные к стыкам через равные промежутки. Они слабо светились, и этот свет пульсировал в такт гулу.

Платов похолодел. Он понял, что это, — понял не разумом, а тем самым внутренним чувством, которое когда-то спасло императорский поезд от засады.

Магнитные мины. Нового образца — не те, что взрываются от нажатия, а те, что срабатывают от дистанционного сигнала. Кто-то заминировал пути, и этот кто-то сейчас наблюдал за составом, ожидая момента, когда поезд достигнет нужной точки.

— Тормозить?! — крикнул Горелов, когда Игнат вернулся в кабину и объяснил ситуацию.

— Нет.

— Но...

— Если мы затормозим, они взорвут мины немедленно. Мы на крючке, понимаешь? Пока мы едем с постоянной скоростью, они ждут. Может, хотят подорвать нас на мосту. Может, перед тоннелем. Но если мы изменим скорость, они поймут, что мы их заметили.

— И что делать?!

Игнат посмотрел на приборы. Давление в котле — максимальное. Угля в топке — с избытком. Скорость — шестьдесят.

— Разгоняемся, — сказал он.

— Что?

— Я сказал: разгоняемся. Полный ход. Открой поддувало, добавь угля. Быстро!

Горелов бросился к топке. Игнат потянул рычаг реверса до предела, открывая подачу пара. Паровоз вздрогнул, загудел громче, колёса застучали чаще. Стрелка спидометра поползла вправо: шестьдесят пять, семьдесят, семьдесят пять.

В переговорной трубе раздался щелчок, и встревоженный голос начальника охраны спросил:

— Машинист, что происходит? Почему ускорение?

— Приказ Адмиралтейства, — соврал Игнат, не моргнув глазом. — Особая ситуация. Готовьте пассажира к возможной тряске.

Он не стал ничего объяснять. Во-первых, времени не было. Во-вторых, он не знал, прослушивается ли переговорная линия — а в том, что диверсанты могли иметь сообщников внутри состава, он не сомневался.

Восемьдесят пять вёрст в час. Для паровоза такой массы это был предел, за которым начинался риск схода с рельсов. Но Игнат знал эту машину лучше, чем собственное тело. Он знал, на каком повороте нужно чуть сбросить, на каком подъёме — добавить. И он знал этот перегон: через три версты будет мост через реку, а перед ним — стрелка на запасной путь, который вёл к старому депо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.